

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Н. Медушевский

д. филос. н., ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

КОГНИТИВНАЯ ВОЙНА: СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ, УПРАВЛЕНИЕ СОЗНАНИЕМ И ИНСТРУМЕНТ ГЛОБАЛЬНОГО ДОМИНИРОВАНИЯ (Часть 2)

Аннотация. Когнитивная война становится одним из наиболее важных элементов текущих дебатов о войне и мире в глобализирующемся социуме. Что такое когнитивная способность и как она может быть трансформирована в одно из средств войны? Действительно ли это принципиально новый тип войны или только разновидность гибридной войны как сочетания информационных, экономических и политических областей с конвенциональными инструментами военных действий? И как можно оценить ведущуюся милитаризацию наук о мозге с позиций её влияния на экономику, общество и легитимность политических режимов в процессе глобального соперничества за ресурсы, власть и влияние? Стремясь найти ответы на эти вопросы, автор внимательно анализирует реальный смысл концепции когнитивной войны, комплекс технологий манипулирования сознанием и их практическую роль в текущих и будущих военных конфликтах.

Ключевые слова: государство, управление сознанием, когнитивная война, науки о мозге, милитаризация нейронаук, некинетические войны, когнитивное доминирование.

JEL: F01, F02, F20, F51, F52

УДК: 32.019.5

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_92_107

© А.Н. Медушевский, 2023

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Медушевский А.Н. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования. Часть 2 // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 3. С. 92–107. DOI: 10.52342/2587- 7666VTE_2023_3_92_107.

FOR CITATION: Medushevskiy A. Cognitive Warfare: Social Control, Meaning-Making and the Instrument of the Global Dominance. Part 2 // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2023. No. 3. Pp. 92–107. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_92_107.

Введение

Теория когнитивной войны, как показано в первой части данной статьи [Медушевский, 2023], аккумулирует внимание на ключевой проблеме управления сознанием с применением новых технологий когнитивного воздействия, очерчивает круг этих технологий и показывает возможные пути их военного использования. В то же время отсутствует единое общепринятое определение понятия когнитивной войны, позволяющее провести её границы в отношении ряда других понятий — информационной, кибернетической и психологической войны, поскольку все они включают когнитивные манипуляции и основаны на технологических приёмах (информационное давление, хакерские атаки, кибервойны и т.д.). Затруднительно установить: степень автономности её области от существующих пяти сфер войны (на земле, в воде, воздухе, киберпространстве и космосе); специфику используемых технологий (направленных на нейросети), а в конечном счёте — ответить на вопрос, представляет ли данный тип войны революцию или эволюционное развитие военного противостояния.

Нет сомнений, что «война за мозг» становится приоритетным направлением войны XXI в., требует пересмотра ряда ключевых представлений о международном и национальном праве, методах социального контроля, управления и ведения военных действий. Тезис о том, что когнитивная война должна быть признана военным преступлением в рамках международного законодательства за угрозу, которую она несет в области психологического здоровья человечества, — морально безупречен, но наивен. Как и вообще пацифистские призывы в условиях, когда когнитивные атаки уже стали частью современного глобального противостояния, радикально меняя представления о войне — области, правовых рамках и способах её ведения.

Гораздо более информативен подход, нацеленный на выявление параметров когнитивного соперничества, его издержек и преимуществ для сторон конфликта, а также потенциальных результатов для общества и политической системы.

Глобальные вызовы национальному суверенитету: экономика, общество и легитимность власти с позиций когнитивной войны

В глобальной конкуренции когнитивный аспект противостояния прямо отсылает к теории суверенитета. В узком смысле область когнитивной войны состоит в подрыве национального суверенитета с целью принудить данное государство выполнять волю другого государства. Традиционно, с позиций международного права, государственный суверенитет определяется следующими элементами — постоянное население; определённая территория; правительство и способность вступать в отношения с другими государствами. Цель когнитивной войны (или шестого поколения войны) состоит в подрыве легитимности правительства путём создания противоречий и расколов среди граждан для принуждения принять определённую политическую волю. Эта форма войны направлена на третий элемент формулы суверенитета — независимое правительство, свободное от внешнего вмешательства. Конечная цель когнитивной войны — преодолеть внутренние информационно-пропагандистские барьеры государства, изменить систему ценностей и понимание мира, вынудить население к принятию желательного решения, установить над ним «рефлексивный контроль», подорвав его способности «наблюдать, ориентироваться, решать и действовать». Это подтверждает важность нового когнитивного «чудо оружия» (magic weapons) для государств [Rai Leekha, 2022].

В информационной сфере когнитивные войны — продолжение гибридных войн, комбинирующих обычные вооружённые действия с экономическим и информационным воздействием на противника, объектом которого становится всё население, а не только

вооружённые силы вовлечённых стран. Поворотной точкой в этом отношении признаются войны в Афганистане (2001–2021) и Ираке (2003–2011), когда военные акции на всём протяжении их осуществления сопровождались всемирными информационными кампаниями, а ключевой эмоциональный мотив состоял в возмездии за теракт 11 сентября 2001 г. и противодействию сфабрикованной угрозе оружия массового уничтожения. Центральной характеристикой этих войн стали информационные операции на внутреннем фронте — развёртывание пространства управляемого восприятия населением всей информации, поступающей из внешнего мира. Управление восприятием включало набор акций, направленных на то, чтобы повлиять на восприятие и поведение аудитории. Эта стратегия включала искусственно создаваемые стимулы, обеспечивающие варианты спонтанного индивидуального и коллективного восприятия (*meaning-making*) при том, что все варианты результатов будут предсказуемы. Специальные исследования в области психологии раскрыли такие области воздействия, как фабрикация смысла, память (в том числе ложная), гипноз, внушение, убеждение и изменение поведения на массовом уровне, доверие и зависимость в отношениях человека и компьютера — с использованием больших массивов данных [Cao, Glaister, Pena, Rhee, Rong, Polavolino, Bishop, Khanna, Singh Saini, 2021]. Иногда, впрочем, дело предстаёт как борьба с «Дигитальной Гидрой» — сводится к разоблачению дезинформации в Интернете со стороны стран, стремящихся подорвать западные демократии [*Responding to Cognitive Security Challenges*, 2019].

В сфере экономики методы когнитивной войны направлены как на ослабление суверенитета государства, так и на его способности взаимодействовать с другими акторами мировой политики через конструкцию экономической рациональности и саму мотивацию экономической деятельности. Во-первых, следует признать, что происхождение технологий когнитивного воздействия тесно связано с экономической парадигмой общества потребления — так называемым *surveillance capitalism* [Zuboff, 2019], в рамках которого коммерческие предприятия вводили контроль над индивидами, используя технологии — такие как *Behavioural analytics*, *Artificial Intelligence*, *Machine Learning*, and *Big Data Analytics*. Затем они из коммерческой сферы были распространены на изучение общества и экономического поведения больших социальных групп, вплоть до предсказания их будущих потребностей. Общее в них — попытка «колонизировать способность к критическому мышлению, продавая нарративы» [Rai Leekha, 2022]. Во-вторых, новые технические возможности информационных коммуникаций создали уникальный потенциал для сбора информации на глобальном уровне, её классификации и направленного использования не только для декларированных коммерческих целей (например, рекламных кампаний), но и политических (например, обеспечения победы на выборах). С принятием инфраструктуры 5G (способной собирать критически важную информацию) выяснились, как считает глава британской разведки MI6 Ричард Мур, последствия этого для национальной безопасности, вплоть до возможности «разрушить суверенитет» оппонентов. В-третьих, информационное манипулирование открывает перспективу направленного изменения стандартов экономического поведения — рациональным начинает признаваться не то, что соответствует хозяйственным интересам данной экономической системы, но то, что способствует продвижению интересов транснациональных игроков или иных государств (например, поощрение компрадорской буржуазии или подкуп элиты с использованием методов «экономических убийц»). В-четвёртых, манипулирование большими данными в экономике может преследовать явные политические цели — от изменения поведения инвесторов и перетока капиталов до провоцирования кризиса национальной экономики с целью свержения неугодных режимов (текущая дискуссия об эффективности воздействия экономических санкций на внутреннюю политику государств — только один из примеров). В-пятых, появляется (как показали, в частности, разоблачения Э. Сноудена) возможность контроля и слежки над элитами, правительствами и отдельными лидерами многих стран.

Достижение этих целей опирается на информационный аспект сетевых экономических коммуникаций и делает их чрезвычайно уязвимыми как от прямых кибератак, так и от завуалированных способов манипулирования экономическими параметрами, приоритетами и способами их продвижения [Gagliano, 2018]. Например, является ли неожиданный вывод банковских активов одной из конкурирующих сторон экономически рациональным действием или актом когнитивной войны с целью спровоцировать финансовый и политический кризис?

В социальной сфере данное воздействие может иметь более узкий характер (внешнее вмешательство в выборы для достижения победы одной из сторон) и более широкий характер (дестабилизация гражданского общества путём навязывания противоположных нарративов). Объектом когнитивного воздействия становится та часть общества, которая ответственна за понимание смысла происходящего и интерпретацию ключевых категорий, — социальное государство, вопросы собственности на ресурсы, оценка приватизации/деприватизации, гражданский и национальный патриотизм (или их противоположность — «дикий капитализм», ущемление прав, сепаратизм и терроризм). Демократия как общий принцип организации современного общества остаётся на месте, однако её понимание определяется конкуренцией противоположных нарративов, направленное продвижение которых в социальных сетях становится инструментом когнитивного манипулирования. Возникает противоречие либеральной демократии (защита прав меньшинств) и нелиберальной демократии (защита коллективных прав), подлинной и популистской её трактовки, вплоть до тезиса о наступлении новой эры «постдемократии», особенность которой заключается в том, что определение смысла деятельности институтов привносится извне и навязывается обществу правящей олигархией [Крауч, 2010]. Важный аспект этой дискуссии — установление различия между нормой приемлемого социального поведения и отклонением от неё. Если целью когнитивной войны является дестабилизация общества в целом, то задача состоит в провоцировании непреодолимого раскола между крайними позициями с параллельным блокированием возможности мирного разрешения конфликта.

В политической сфере методы когнитивной войны направлены на инфраструктуру коммуникаций и процесс принятия решений (выборы, протестные акции и т.п.) вплоть до организации революций и переворотов. В современной когнитивной войне воздействие на социальные отношения, экономику и политику имеет комбинированный характер и направлено на подрыв легитимности политического режима. С позиций когнитивной войны легитимность — это постоянный процесс борьбы глобальных акторов за передел «пространства смыслов» и установление когнитивного доминирования, победа в котором означает замену прежней легитимности определённого государства новой, так называемой «имплантированной легитимностью». Ключевым элементом этой борьбы является когнитивное манипулирование международным правом — принципиально различная интерпретация сторонами норм международного права в острых политических конфликтах [Pirker, Smolka, 2019], поддержка внешними силами внутренних расколов и «диссидентов» — оппонентов существующей легитимирующей формулы. Технически при этом для ведения когнитивной войны совершенно неважно содержание их «ревизионистской» идеологической программы — это в равной степени могут быть традиционалисты или радикалы, националисты или сторонники объединения, демократы или популисты, — важен исключительно потенциал их деструктивного воздействия на соответствующий политический режим.

В этом контексте новый смысл приобретает интернациональная дискуссия о защите ценностей, так называемой «пятой колонне» и законодательстве об «иностранных агентах», которая ведётся как на Западе, так и в России. Доклад НАТО о когнитивной войне (содержание которого рассмотрено в первой части статьи), отмечают критики, написан в «параноидальном тоне», указывая на существование «встроенной пятой колонны», где каждый её представитель «действует согласно планам наших соперников» — Китая

и России, способных эффективно использовать «западных диссидентов». Граждане, следуя данной логике, могут сформировать спящие «ячейки» как потенциальную «пятую колонну», бросающую вызов стабильности «западных либеральных демократий» [Norton, 2021]. Россия описывается западными оппонентами с позиции «информационной сверхдержавы», которая стремится компенсировать экономическую слабость использованием информационных технологий для утверждения своих глобальных позиций [Michlin-Shapir, Siman-Tov, Shaashua, 2019]. Примерами этого чаще всего выступают предполагаемое вмешательство России в президентские выборы в США 2016 г., давшие победу Д. Трампу [Rosner, Siman-Tov, 2018], или вмешательство в избирательный процесс стран Прибалтики [Backes, Swab, 2019]. Представлена целостная концепция российской «подрывной деятельности» (она определяется как «намеренное воздействие, направленное на оказание влияния на внутреннюю политику соответствующей страны»), злонамеренные акции информационного, экономического, политического и военного характера для продвижения российской внутренней и внешней политики, направленные против западных легитимных институтов, главная особенность которых (акций) состоит в том, что они имеют скрытый характер — часто «долго остаются не раскрытыми после их осуществления, если вообще замечаются» [Radin, Demus, Marcinek, 2020. P. 2]. Та же самая постановка вопроса, как известно, представлена в российских консервативных медиа, только с обратным знаком — достижение злонамеренных целей приписывается НАТО. Интересно при этом, что идеологически сходные группы инакомыслящих интерпретируются внешними игроками с противоположным значением в зависимости от места и устремлений их действий. Этот подход к когнитивному противостоянию Запада и Востока в обоих случаях основан на представлении об уникальности западной культуры демократии, ведении справедливых войн и защиты населения против цивилизационных противников, но игнорирует гипотезу о существовании единых (общечеловеческих) когнитивных предпосылок отношения к ведению войн и защите мирного населения, которые были присущи уже древним цивилизациям [Traven, 2015]. Это очень напоминает новое издание известной теории «друга-врага в политике» К. Шмитта.

Итак, кумулятивный эффект в когнитивной войне — подрыв доверия общества к государству — достигается взаимодействием факторов дестабилизации: ростом поляризации, поддержкой движений и изоляцией отдельных групп, разрушением ключевых областей экономической деятельности, инфраструктуры, затруднением коммуникаций и делегитимацией государственной власти и лидеров.

Что показал опыт современных когнитивных войн?

Когнитивные войны в полном смысле слова — скорее всего, феномен будущего. Но в последнее время такие разные страны, как США, Канада, Соединенное королевство, КНР и Россия, либо выразили осведомлённость, либо прямо включили дискуссии о битве за мозг в свою литературу по безопасности. В ситуации глобального противостояния Запада и России представлен анализ преимуществ и уязвимых сторон в этом соперничестве.

Констатируется, во-первых, изменение масштабов противостояния: пандемия коронавируса стала новым полем когнитивной войны на глобальном уровне, где стороны обвиняли друг друга в неадекватном реагировании, противопоставляли различные стратегии преодоления кризиса, причём дело дошло даже до взаимных обвинений в его специальном провоцировании и «войне вакцин». Во-вторых, в ряде текущих конфликтов (в Ираке, Афганистане и Сирии) Запад не добился полного принятия своих нарративов, несмотря на господство в глобальных информационных сетях, что некоторые определили как проигрыш в когнитивной войне. В-третьих, констатируется, что оппоненты Запада, напротив, добились существенных успехов в этой области, предложив нарративы современного

кризиса, получившие широкое распространение в незападной части мира. В-четвёртых, подчёркивается, что когнитивные войны представляют большую угрозу для демократий, нежели их авторитарных оппонентов, поскольку последние менее скованны правовыми ограничениями и более эффективно используют иностранные демократические институты для продвижения своих целей. В-пятых, имеет значение анализ конкретных акций когнитивного противостояния, выявляющий не только общие черты, но и особенности их ведения.

В качестве примеров успешного применения технологий когнитивной войны в западной прессе постоянно фигурируют обвинения России во влиянии на британское голосование по Брекситу, вмешательстве в президентские выборы в США, эффективное использование пандемии для подрыва доверия к демократическим институтам, поддержке евроскептицизма и популизма в ЕС с целью его дестабилизации. Со стороны Китая — это систематическое продвижение антиглобалистских проектов по всему миру, вмешательство в дела Австралии и Новой Зеландии и, особенно, информационное воздействие на внутреннюю ситуацию на Тайване. Россия и Китай обычно противопоставляют этому обвинения Запада в провоцировании цветных революций на постсоветском пространстве и в других регионах мира. Глобальный уровень этого когнитивного противостояния чётко проявляется в противоположности информационного сопровождения текущих конфликтных событий — от пандемии и дела Скрипалей до судьбы Дж. Ассанжа и подрыва Северных потоков.

Специальное обращение к методам когнитивной войны отражено в теоретических установках ряда стран. Для США и стран НАТО эти установки отражают рассмотренный выше доклад Дю Клузеля [Du Cluzel, 2020], а также развернувшаяся по нему дискуссия [Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance, 2021]. В России, по мнению западных аналитиков, они представлены «доктриной Примакова» — это создание многополярного мира в кооперации с Китаем, российское доминирование на постсоветском пространстве и обеспечение необходимой роли России в мире. Её развитием признаётся «доктрина Герасимова» (*Gerasimov doctrine*) — подход, подчёркивающий, что главная область войны будущего — это область сознания и направление, исходящее из утверждения, что новое поколение войн будет определяться информацией и психологической войной. Эта война нового поколения включает широкий круг мер информационного, экономического, культурного и политического воздействия вплоть до провоцирования социальных беспорядков, формирования политической оппозиции и смены руководства противостоящей страны [Герасимов, 2013]. Данная доктрина, предположительно ставшая ответом на «цветные революции» и «арабскую весну», получила противоположные оценки в литературе и не оставалась неизменной¹, особенно в контексте её текущего применения на Украине [Зубов, 2023]. По мнению западных специалистов в инфосфере, русские стратеги разработали особую концепцию войны в «серой зоне».

Её новизна состоит в том, что для этого типа конфликтов (в отличие от войн традиционного типа) отсутствует чёткое международно-правовое регулирование и, следовательно, невозможно использовать правовое понятие «агрессии»; невозможно, далее, провести определённую границу между обороной и нападением (наступательные действия камуфлируются как оборонительные); провести границу между комбатантами и некомбатантами (поскольку боевые действия ведутся не официальными государственными структурами, а различными прокси-структурами, например добровольцами, вооружёнными гражданами непризнанных квазигосударственных образований и т.д.). Важными

¹ Доктрина Герасимова. *Интернет-энциклопедия Википедия*. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B0_%D0%93%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BC%D0%BE%D0%B2%D0%B0 (дата обращения: 20.03.2023).

компонентами этой войны становятся новые виды технологического воздействия, не тождественные применению конвенциональных (используются инструментарий кибератак, взлом и манипулирование иностранными базами данных и прочее). Наконец, в целом этот конфликт формально даже не может быть определён как война — это, скорее, переходная ситуация, когда уже нет мира, но ещё нет войны в традиционном понимании. Ключевым элементом войны в «серой зоне» признаётся сочетание дигитальных методов с обращением к традиционному сознанию населения соответствующего региона. Успех данной стратегии и тактики был продемонстрирован Россией в ходе войны в Грузии 2008 г. и, особенно, присоединения Крыма в 2014 г. как идеальной операции, показавшей возможность достижения результата без единого выстрела. Поскольку этот тип войны оказывается чрезвычайно эффективен и ему трудно противостоять, некоторые оценивают его как «прообраз войн будущего» [Dunlap, 2022]. Данная оценка не бесспорна, поскольку все указанные особенности в принципе являются атрибутами гибридных войн (или «нелинейных войн») [Уизер, 2016. С. 16], соответствуя, скорее, концепции информационных или ментальных войн (в российском понимании [Макаров, 2022]), но не когнитивных войн в строгом смысле.

КНР выдвинул концепцию «неограниченной войны» в 1999 г.² (*Unrestricted Warfare*), получившую специальное теоретическое обоснование [Liang, Xiangsui, 2015], которую ряд исследователей признаёт разновидностью гибридных войн, дополнив ее (в докладе об обороне 2019 г.) понятием «трёх войн» — психологическая, за общественное мнение и обычная. В части китайских стратегических публикаций, начиная с 2000-х гг., утверждается, что будущая информационная война будет сопутствовать войне в трёх областях — физической, информационной и когнитивной, причём последняя способна стать поворотной точкой в её ведении. Однако другая группа стратегических публикаций последних десятилетий основана на идее, что война будет проходить в физических областях — на земле, море, воздухе и космосе, в информационной области коммуникативных сетей и области человеческого сознания, которая включает как волю лидера, так и общественное мнение. В последние годы представлена фокусировка на искусственный интеллект и науки о мозге в дополнение к дигитальным технологиям использования социальных медиа-ресурсов с допущением о том, что когнитивные войны будущего позволят победить противника без использования физической войны. В основном, впрочем, имеется в виду информационная война — распространение дезинформации и создание галлюцинаций для противника. Существенное внимание отведено вопросам гибридной войны в [Го Фэнли, 2020]. Реакция противников Китая учитывает эти перспективы. В Тайване в отчёт 2021 г. включено изменение когнитивной войны, цель которой — воздействие на социальные идеологии, менталитет, восприятие права и порядка через кибер-инфильтрации, манипуляции сознанием и общественным мнением. В Канадском отчёте отмечается, что такие государства, как Китай, намерены расширить внутренний контроль за пределы своих границ — избегая рисков, навязать международному сообществу с помощью информационных технологий партийное видение мира. США, которые преуспели в подобных операциях, также выразили озабоченность таким сбором информации. Растущее соперничество государств в этой области не просто меняет соотношение оборонительной и наступательной трактовок этой сферы, но фактически принуждает другие государства принять данные правила игры для защиты собственного суверенитета [Rai Leekha, 2022]. В новой стратегии национальной безопасности Японии борьба с когнитивной войной объявлена одной из приоритетных задач в свете противостояния Китаю [Nishikawa, 2023].

² *Unrestricted Warfare*. Wikipedia. https://en.wikipedia.org/wiki/Unrestricted_Warfare (access date: 20.03.2023).

Методы когнитивной войны в текущих конфликтах: Украина и Тайвань

Представляет специальный интерес совокупность оценок методов когнитивной войны, выдвинутых Россией и Китаем для разрешения текущих кризисов на Украине и на Тайване, обобщённых японским военным аналитиком (полковник К. Такаги). Вмешательство России в конфликт на Украине имело амбивалентный результат. С одной стороны, присоединение Крыма в 2014 г. рассматривается как пример успешной когнитивной войны, которая была выиграна неожиданным занятием территории военными без опознавательных знаков — «маленькими зелеными человечками» с публичным отрицанием вмешательства России. С другой стороны, в ходе СВО, начатой в 2022 г., России, по мнению того же аналитика, не удалось добиться успеха сходными методами: стратегия когнитивной войны работала хуже, поскольку Западу удалось противопоставить ей защиту от когнитивных воздействий — нарративов, способных мобилизовать украинское общество против существующего в этой стране режима. Результатом стал переход противостояния в фазу конвенциональных военных действий. В Китае война на Украине стимулировала дискуссию о том, как присоединить Тайвань: цена прямого вторжения выглядит очень высокой, и поэтому важна альтернативная позиция — изолировать его, используя различные элементы гибридной (информационной) войны в противодействии США. Однако её применение Россией на Украине убедило часть китайских аналитиков в том, что она может быть только дополнением к традиционной войне в пяти сферах, но не заменяет их. Это означает ограниченную приверженность методам когнитивной войны и понимание того, что присоединение Тайваня (как и Украины) не может быть достигнуто исключительно методами когнитивной войны, т.е. без обращения к её традиционным средствам [Takagi, 2022].

Тем не менее на Тайване его прозападные аналитики говорят о применении Китаем методов когнитивной войны. Хотя китайские когнитивные операции против Тайваня, считают они, не планируются единым ведомством, они реализуются в соответствии с единой политикой по интеграции острова, а их целью является внутренняя дестабилизация Тайваня при одновременной защите Китая от дестабилизационных групп из Тайваня. Китайские когнитивные операции включают: 1) военное давление (угроза применения силы); 2) влияние через двусторонний обмен; 3) религиозное вмешательство; 4) дезинформация и 5) направленное создание контента в Интернете. Результат этих действий неоднозначен — если позитивная пропаганда Китая оценивается как неэффективная (в силу её идеологического характера), то негативная — более эффективна, поскольку ведёт к расширению конфликта сторонников и противников независимости острова [Tzu-Chieh, Tzu-Wei, 2022]. В целом, однако, констатируется, что Китай, во многом позаимствовав опыт России, оказался очень хорошо приспособлен к эпохе «неоклаузевицеанских» когнитивных войн, переигрывая Запад в их ведении [Orinx, Struye de Swielande, 2022].

Моделирование гипотетической войны США с равным противником в 2035 г. (с учётом опыта войны на Украине) позволило выявить проблемные точки когнитивного противостояния: неопределённость области между миром и войной; между насилием и установлением государственной принадлежности участников конвенционального конфликта; увеличение значения предконфликтной фазы развития событий — достижения военных преимуществ на стадии подготовки поля боя — саботаж, сбор разведанных, пропаганда и психологические операции для уменьшения способности противника быстро перейти к вооруженным действиям, равно как ослабление гражданской поддержки на территории противника; использование мобильных телефонов для сбора информации о противнике; важная роль прокси-сил как постоянного фактора в отношениях между ведущими государствами на предконфликтной стадии подготовки поля боя; использование сил специальных операций для идентификации, контакта и продвижения диссидентов и групп сопротивле-

ния на вражеской территории для подавления способности противника к быстрому переходу к военным действиям. Гипотеза этого исследования — чем выше ясность, достигнутая на начальной стадии разворачивания конфликта (в мирное время), тем меньше становится потенциально необходимым масштаб нарушений суверенитета, интервенции и контрмер [Watts, Lawless, 2022].

Социальные издержки когнитивной войны — другая тема обсуждения, предложенная прежде всего противниками данной концепции. Для успешного достижения целей такой войны — реформатирования сознания противника — требуется контроль над сознанием собственного населения, а установление последнего ведет к эрозии демократии и утрате социального контроля над властью. «Следствия этого, — заключает один из критиков, — поразительны. Это означает, что станет невозможным задавать какие-либо вопросы, критиковать политику или действия НАТО, либо смотреть на вещи с китайской или русской перспективы без того, чтобы не предстать в виде их сознательного или неосознанного коллаборанта. Ещё хуже, если под “врагом” станет пониматься потенциально “каждый”. В этом случае НАТО и его соответствующие национальные военные подразделения будут принуждены вести оборонительные когнитивные операции против своего собственного народа». По мнению автора, это уже происходит в виде направленного сбора информации о западной пятой колонне — Black Lives Matter (BLM) или подавления антиковидных протестов в разных странах. «Из вершины эволюции и средоточия критического мышления мозг превращается в ещё одно поле войны» [Al Ronzoni]. На этом пути фиксируется опасность подмены целей когнитивной войны её средствами — ситуация, когда применение новых технологий выходит из-под контроля инициаторов их применения.

Подчеркну, что элементами успешной когнитивной войны становятся, во-первых, её тайный характер (она должна оставаться незаметной для противника); во-вторых, публичное отрицание её ведения; и в-третьих, обвинение противника в её ведении — факт, как правило, недоказуемый. Все эти элементы присутствуют сегодня, но их оценки сторонами конфликта имеют противоположный характер. Если США и НАТО обвиняют в этом Россию и Китай, то последние указывают на растущую угрозу применения операций когнитивной войны странами Запада, начиная с войны в Заливе, нападения на Югославию и Ирак, сопровождавшихся массовой кампанией дезинформации мирового сообщества при полном господстве в глобальных информационных коммуникациях. Россия усматривает её проявления в стратегии США на постсоветском пространстве: в мерах по дискредитации России как колонизатора, поддержке национализма и сепаратизма, направленных на выход соответствующих стран из ШОС, ОДКБ и ЕАЭС, провоцировании противоречий между ними и внутри них, осуждении СВО и др., включая поддержку «антироссийской истерии» в социальных сетях, таящей угрозу «сдать страну без единого выстрела» (см., например [Орлов, 2022]). Каждая из сторон конфликта легитимирует свои действия необходимостью ответа на растущую угрозу со стороны противника. В целом Россия и Китай ориентируются, скорее, на понятие ментальной или информационной войны, до последнего времени допуская применение методов когнитивной войны в ограниченной степени.

Понимание и объяснение: что можно противопоставить когнитивной войне?

Как выйти из замкнутого круга когнитивного противостояния? Очевидно, что это нельзя сделать путём простого противопоставления одних технологий когнитивной войны другим, поскольку данные технологии (как оборонительные, так и наступательные) совершенствуются по мере их применения, в перспективе — бесконечного. Методам когнитивной войны, информационного манипулирования и технологиям воздействия на сознание

следует, на мой взгляд, противопоставить альтернативную концепцию понимания и объяснения социальной реальности, связанную с новой познавательной деятельностью. Данная концепция разработана в теории О.М. Медушевской, предложившей доказательные критерии социального познания, верификации информации по линии её достоверности и точности и раскрывшей формы когнитивной адаптации индивида в процессе целенаправленной творческой деятельности [Медушевская, 2017а].

Модель (или схематически выраженная ситуация) информационного обмена в человеческом обществе опирается на понимание человека как живой системы, имеющей врождённую предрасположенность к образованию информационной картины мира, существующей в сознании; к преобразованию информации, хранящейся в памяти, в интеллектуальный продукт в виде вещи, изделия. Схема такого информационного обмена может быть представлена следующим образом: 1) реальный мир и его воздействие на индивида (зависящее от сенсорных возможностей мозга); 2) накопление в сознании и памяти данных об окружающем мире; 3) осмысление этой информации в виде постижения взаимоотношений эмпирического фрагмента окружающего мира с системными связями, действующими в мировом универсуме (понимание смысла); 4) формирование в сознании идеи о том, как надо действовать индивиду в данных условиях; 5) преобразование этого понимания в идею деятельности — целенаправленной деятельности; 6) преобразование по ходу деятельности идей в продукт (трансформация динамической подвижной информационной картины индивида в статическую); 7) восприятие эмпирической данности продукта социумом и преобразование информационного ресурса продукта в динамическую информацию индивидов, составляющих социум, что, в свою очередь, возвращает их к деятельности [Медушевская, 2017б].

В этой схеме объектами атаки когнитивной войны становятся три элемента — память (как обобщение данных опыта), осмысление (понимание смысла) и формирование идеи деятельности — именно они оказываются предметом манипулирования в результате применения технологий информационного (нейро-сетевого) воздействия. Теоретики когнитивной войны озабочены тем, как добиться трансформации сознания направленным воздействием на мозг [Claverie, du Cluzel, 2022], сделать сознание «орудием войны» [Claverie, 2022], создать набор инструментов для атаки на «истину и мысль» [Bernal, Carter, Singh, Cao, Madreperla, 2020], опираясь на возрастающие ресурсы милитаризации нейронаук [Le Guyader, 2020]. Результатом такого воздействия, как показано ранее, должна стать имплантация в сознание индивида и общества новой картины мира, основанной на недостоверной информации. Однако вне этого процесса информационного манипулирования остаются элементы когнитивного самоопределения индивида, связанные с критической проверкой достоверности информации в процессе целенаправленного создания интеллектуального продукта. Информационные технологии, как неоднократно отмечала О.М. Медушевская, изменили восприятие мира, став между индивидом и источником информации. Это привело, с одной стороны, к быстрому неконтролируемому увеличению объёма информационного ресурса (Большие Данные), но с другой — резко снизило качество информации (которая не подвергается необходимой критической проверке и в возрастающей степени становится объектом манипулирования). Ключевое значение приобретает поэтому понятие качества информации. В этих условиях встаёт проблема различения подлинной и мнимой информации (которая отнюдь не тождественна традиционной дилемме различения истинной и ложной информации) [Медушевская, 2017с].

Информационная сфера деятельности человечества меняется в истории в результате воздействия общих социальных факторов: с уменьшением возможности передвижения по территории (когда, с завершением эпохи географических открытий, стали очевидны границы Земли); с изменением демографической ситуации (избыток индивидов, необходимых для привычных видов деятельности, приводит к тому, что часть социума оказывается вне

привычной ситуации информационного деятельного обмена); с резким изменением рода деятельности (например, при переходе из села в город, от земледелия к обслуживанию); масштаба этой деятельности — от сфер, целиком охватываемых индивидом (выращивание хлеба, ремесло), к сферам, дифференцирующим индивидуальный вклад (фабрика); наконец, с изменением самих коммуникаций и технологий. Возникает ситуация, характерная для массового сознания современного общества потребления — отсутствия ресурсов для привычных структурообразующих видов деятельности, информационного дефицита, разрушающего личностные качества. Новые технологии лишь усиливают этот тренд, навязывая информационную картину мира, программируя не только текущие запросы, но и потребности будущего [Zuboff, 2019].

Выходы из этой ситуации, найденные в истории, различны: во-первых, возможно механическое инициирование информационной активности (или псевдоактивности) извне — в качестве объединяющей идеи, которой может быть защита от врага (строительство Стены) или создание идеального общества (строительство Царства Божия на земле). Это способ искусственного, механического создания информационной энергетики через достижение некоей великой цели. Данный способ мобилизационной информационной активности не связан с творчеством, не предполагает критических интеллектуальных усилий индивида и облегчает восприятие транслируемой информации, т.е. достижение целей когнитивной войны в виде направленного когнитивного воздействия извне и мобилизации на его основе.

Другой вариант — акцентирование и поддержание ситуации творческого состояния как оптимального стереотипа поведения и точки приложения сил — трудовой этики (как эталона поведения), что выражается в ценностном восприятии трудовых (творческих) процессов как самоценных и единственно правильных для индивида и социума. Энергетика информационной ситуации трудовой этики, следовательно, важный самостоятельный фактор развития общества. В определённом состоянии общества творческие (информационно-деятельностно ориентированные) индивиды выступают как интеллектуальная элита, которая отказывается участвовать в имитационной информационной деятельности, противопоставляя ей инструменты критического анализа информации. С позиций когнитивной теории интеллектуальная элита творчески продуктивна, или это не элита.

Информационный обмен: факторы эффективности когнитивных решений

Степень эффективности технологий когнитивной войны, исходя из этого, определяется уровнем когнитивной адаптации общества, прежде всего его интеллектуальной элиты — её способностью принимать решения в динамичных процессах информационного обмена. Появление подлинной информации, следовательно, связано с целенаправленной человеческой деятельностью и является её функцией. Напротив, появление мнимой информации, ведущей к созданию имитационного информационного ресурса, предполагает внедеятельностное состояние индивида — потребление информационного продукта в готовом виде, манипулирование сознанием, следствием которого становится отчуждение и информационная агрессивность. Возникновение псевдопонятий, вызванное феноменом методологической некорректности и связанное со слабостью критического мышления, ведёт к нечёткости размежевания данных об объекте наблюдения с привнесением исследователем фрагментов вненаучного знания. Именно разработка теории и методов работы с информацией будет в дальнейшем определять качество и достоверность информационного ресурса научных исследований, селекцию отбираемых источников и направления их классификации, а следовательно, и степень адекватности когнитивных решений. Данная

ситуация актуализирует новую интерпретацию методов критического анализа информации и теоретического источниковедения применительно к современной эпохе, заставляя рассматривать их как полноценный фактор успеха или поражения в когнитивной войне. Этот вывод определяет значение новой когнитивно-информационной модели образования, ориентированной не на механическое восприятие транслируемой информации (без её критической проверки), но на обучение методам её самостоятельного сбора, проверки и анализа для достижения поставленной цели деятельности [Медушевская, 2017d].

Раскрытие логики рационального познания позволяет завершить его переходом к познавательной деятельности на основе нового понимания реальности. Представлено три основных ситуации: 1) ситуация непосредственного — живого информационного обмена (все живые системы, в том числе и человек); 2) фиксирование уже добытого ресурса в вещественный — целенаправленно (намеренно) созданный продукт (при этом происходит высвобождение памяти); 3) ситуация обращения к этому реализованному продукту как источнику информации. На этой основе становится возможным: выстраивание методов и критериев доказательности и проверки знания; научное конструирование — построение модели (схематически выраженной ситуации информационного обмена) для создания логически непротиворечивой концепции социального (исторического) процесса и прогнозирование — аналитическая процедура, в ходе которой выявляются фазы процессов, произошедших в прошлом, и просчитывается наступление последующих фаз аналогично протекающих процессов. Этот подход вполне реален в науках о природе и применим по отношению к живым системам (науки о живом). Но он (вопреки известному неокантианскому противопоставлению номотетических и идиографических наук) осуществим и в сфере гуманитарного знания и социальной практики [Медушевская, 2017с].

Познаваемость социального (исторического) процесса определяется тем, что созданные интеллектуальные продукты выступают как неотъемлемая составляющая любой целенаправленной деятельности. Это даёт социальным наукам стабильный, вещественный, доступный непосредственному изучению реальный объект, открывает перспективы анализа когнитивных параметров конструирования социальной реальности — пространства, времени и смысла существования. Область когнитивной войны существенно ограничивается, а технологиям информационного манипулирования противопоставляются не менее действенные технологии когнитивной адаптации социума, образования, верификации информации и формирования креативных политических и военных элит.

Можно ли выиграть в когнитивной войне?

Спор о содержании понятия когнитивной войны отражает существенные компоненты изменения реальности социально-политического противостояния эпохи глобализации. С одной стороны, данная теория, выделяя особую когнитивную область как сферу противостояния, фактически продолжает предшествующие традиции войн, ибо эта область всегда была значимой проблемой установления доминирования — навязывания оппоненту собственного взгляда на мир. С другой стороны, она аккумулирует внимание на новом объекте противостояния (человеческий мозг и формирование сознания) и новых механизмах и инструментах достижения доминирования — совокупности технологий, делающих это воздействие более интенсивным, причём в глобальном масштабе. Если признать, что когнитивная война — это реальность, то следует ответить на вопрос — можно ли одержать в ней победу и как этого достичь?

Критика теории когнитивных войн включает ряд важных аргументов против гипотезы о возможности победы. В абсолютной форме данная концепция отрицает главное преимущество человеческого мозга — способность критического мышления, в тенденции

превращая человека в простое орудие манипулирования со стороны владельцев инструментов технического контроля. Она не позволяет чётко различить противостоящие стороны конфликта — предполагается воздействие на мозг как противника, так и собственного населения, что исключает чёткое понимание стратегии и тактики достижения цели. Когнитивная война не ограничена во времени и может дать результат только в случае её постоянного ведения. Но такая перманентная война требует столь высокой и продолжительной мобилизации ресурсов, что полностью меняет взаимодействие общества и политической власти, ведя к их милитаризации.

Социальный эффект когнитивных войн плохо поддаётся прогнозированию. Вовлекая всё население, они закладывают новую модель социальной стратификации по линии допуска к информации и контроля над ней, где высший уровень информированности и способность к критическому мышлению резервируется только за ограниченной транснациональной элитой (лицами, принимающими решения), управляющей когнитивным переформатированием на глобальном и национальном уровне, сохраняя реальное понимание вещей. Однако технологии разрушения мозга (включая другие варианты био- и нейровоин) как средство ведения войны неизбежно затронут всех участников противостояния, включая его инициаторов. А это, в свою очередь, наносит атакующему не менее серьёзный удар, чем атакуемому. Элита сама становится заложником применения нейротехнологий.

Ведение когнитивной войны едва ли совместимо с сохранением демократии, во всяком случае, в её традиционном понимании. Результативность таких войн определяется степенью контроля над когнитивно-информационной сферой — чем она выше, тем интенсивнее когнитивное доминирование над противником. Но такой контроль подрывает преимущества либеральной демократии, делая недееспособными институты демократии, разделения властей и независимости индивида в принятии решений. Необходимость защиты критически важной и политически чувствительной информации ведёт к ограничению её независимых (автономных) носителей, заставляя их в возрастающей степени делиться этой информацией со структурами безопасности. Преимущество получают авторитарные режимы, поскольку они менее скованны правовыми ограничениями и обладают значительно большей свободой манёвра в продвижении своих стратегий когнитивного конструирования. «Дивный новый мир» антиутопии рискует стать реальностью.

Наконец, есть серьёзные основания для сомнений, что когнитивные войны шестого поколения в обозримой перспективе вытеснят войны традиционного типа. Они действительно привносят новые ключевые параметры в их ведение — размывают границы войны и мира, нападения и защиты, кинетических и некинетических методов воздействия на противника, однако едва ли способны решить классические задачи войны (подчинения противника собственной воле) без обращения к традиционным формам её ведения. Поэтому вместо того, чтобы заменить войны традиционного типа, они, напротив, могут стимулировать их, как показывает, в частности, опыт (ограниченный) текущих конфликтов, перерастающих в гибридные войны «серой зоны» (областью которой в перспективе может стать весь мир).

Понятие когнитивных войн, на мой взгляд, целесообразно заменить понятием когнитивного измерения современных войн, имея в виду, что с ростом технических параметров контроля сознания меняются все элементы противостояния. Их частью, несомненно, будут становиться новые формы когнитивной адаптации общества и элит, технологии верификации информации, бросающие вызов манипулятивному конструированию реальности. По мере того, как социум будет осознавать масштаб вызова — переходить от имитационной информационной активности к полноценной творческой самореализации индивида, ресурс когнитивной войны станет уменьшаться, а её технологии получать более ограниченное применение. Возникает необходимость правового регулирования когнитивных военных технологий на транснациональном уровне: в международном праве — возможностей

и границ некинетического воздействия; в праве войны — особенностей регулирования новых типов оружия (основанных на искусственном интеллекте) и методов ведения войны в так называемых серых зонах; в области социального контроля — создания независимых и действенных международных институтов, формируемых на основе подлинного интернационального консенсуса.

Итак, идеальная победа в когнитивной войне возможна, но только ценой утраты свободы мысли всеми её сторонами. Однако сохранение критической способности суждения по-прежнему выступает ключевым элементом в дебатах о войне и мире и, несомненно, условием для победы в войнах будущего.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCE

- Герасимов В.В. (2013). Ценность науки в предвидении [Gerasimov V.V. (2013). The Strength of the Science is in Prevision] // *Военно-промышленный курьер*. 27.02. № 8 (476). См. также: *Новости ВПК*. https://vpk.name/news/85159_cennost_nauki_v_predvidenii.html (дата обращения: 20.03.2023).
- Го Фэнли (2020). Гибридная война в исследованиях ученых Китайской Народной Республики [Go Fenly (2020). Hybrid Warfare in Investigations of Chinese Scholars] // *Гражданин. Выборы. Власть*. 2020. № 1 (23). С. 140–151.
- Зубов М. (2023). Доктрина Герасимова на Украине: «Не копировать чужой опыт» [Zuboff M. (2023). Gerasimov Doctrine in Ukraine: «Foreign Experience should not be copied»]. *Эксперт*. Дата публикации: 17.01. <https://expert.ru/2023/01/17/doktrina-gerasimova/> (дата обращения: 20.03.2023).
- Крауч К. (2010). *Постдемократия* [Crouch C. (2010). Postdemocracy]. — М.: Изд. ГУ-ВШЭ.
- Макаров Е.Б. (2022). *Ментальные и когнитивные войны: вопросы определения, цели и средства*. [Makarov E.B. (2022). Mental and Cognitive Wars: Questions of Definition, Targets and Tools]. *Блог Е.Б. Макарова на сервисе Дзен*. Дата публикации: 28.10. <https://dzen.ru/media/id/5f54f367fdbd8b69779a4b6d/mentalnaia-i-kognitivnaia-voinyu-voprosy-opredeleniia-celi-i-sredstva-635818ed5cdf754045543dd1> (дата обращения: 20.03.2023).
- Медушевская О.М. (2017а). *Собрание сочинений*: В 4-х т. [Medushevskaya O.M. (2017a). Collected Works]. — М.-Берлин: Директ-Медиа.
- Медушевская О.М. (2017b). Теория и методология когнитивной истории [Medushevskaya O.M. (2017b). Theory and Methodology of the Cognitive History] // *Собрание сочинений*. Т. 1. — М.-Берлин: Директ-Медиа. С. 65–418.
- Медушевская О.М. (2017с). Когнитивно-информационная теория в социологии истории и антропологии [Medushevskaya O.M. (2017c) Cognitive-information theory in the sociology of history and anthropology] // *Собрание сочинений*. Т. 1. — М.-Берлин: Директ-Медиа. С. 775–814.
- Медушевская О.М. (2017d). Когнитивно-информационная модель образования в науках о человеке [Medushevskaya O.M. (2017d). Cognitive-informational model of education in human sciences] // *Собрание сочинений*. Т. 4. — М.-Берлин: Директ-Медиа. С. 38–49.
- Медушевский А.Н. (2023). Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования [Medushevskiy A. (2023). Cognitive Warfare: Social Control, Meaning-Making and the Instrument of the Global Dominance] // *Вопросы теоретической экономики*. № 2. С. 85–98. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_2_85_98.
- Орлов Д. (2022). *Когнитивные войны: как не сдать страну без единого выстрела* [Orlov D. (2022). Cognitive Warfare: how not lose the country without any shot]. *Stan radar*. Дата публикации: 12.10. <https://stanradar.com/news/full/50754-kognitivnye-vojny-kak-ne-sdat-stranu-bez-edinogo-vystrela.html> (дата обращения: 20.03.2023).
- Уизер Д.К. (2016). Смысл гибридной войны [Wither J.K. (2016). The Meaning of the hybrid Warfare] // *Connections: the Quarterly Journal*. № 2. С. 84–100. <https://doi.org/10.11610/Connections.rus.15.2.06>.
- Al Ronzoni. (2020). Cognitive Warfare: The Coming Battle for your Brain. *Al Ronzoni on Medium*. <https://aronzonijr.medium.com/cognitive-warfare-the-coming-battle-for-your-brain-6ff174f70f2f> (access date: 20.03.2023).
- Backes O., Swab A. (2019). *Cognitive Warfare. The Russian Threat to Election Integrity in the Baltic States*. — Harvard: Kennedy School.
- Bernal A., Carter C., Singh I., Cao K., Madreperla O. (2020). Cognitive Warfare: An Attack on Truth and Thought. *Innovation Hub*. URL: [Cognitive Warfare.pdf](https://innovationhub-act.org/CognitiveWarfare.pdf) (innovationhub-act.org) (access date: 20.03.2023).
- Cao K., Glaister S., Pena A., Rhee D., Rong W., Polavolino A., Bishop S., Khanna R., Singh Saini J. (2021). Countering Cognitive Warfare: Awareness and Resilience // *NATO Review*. Published: 20.05. Countering cognitive warfare: awareness and resilience <https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/05/> (access date: 20.03.2023).
- Claverie B. (2022). *What is Cognition? And How to Make it one of the Ways of the War?* NANO-CSD-CW-03-01. *Hal. Open science*. <https://hal.science/hal-03635907/document> (access date: 20.03.2023).

- Claverie B., du Cluzel F. (2022). *The Cognitive Warfare Concept*. *Innovation Hub*. URL: www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2022-02/CW%20article%20Claverie%20du%20Cluzel%20final_0.pdf (access date: 20.03.2023).
- Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance*. *First NATO Scientific Meeting on Cognitive Warfare* (2021). Bordeaux (France). 21 June. *Innovation Hub*. www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2022-03/Cognitive%20Warfare%20Symposium%20-%20ENSC%20-%20March%202022%20Publication.pdf (access date: 20.03.2023).
- Du Cluzel F. (2020). *Cognitive Warfare*. *Innovation Hub*. June–November. *Innovation Hub*. www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2021-01/20210122_CW%20Final.pdf (access date: 20.03.2023).
- Dunlap Ch. (2022). *Are we Ready for War in the Infosphere?* / Duke University. Published: 20.02.2022. <https://sites.duke.edu/lawfire/2022/02/20/are-we-ready-for-war-in-the-infosphere/> (access date: 20.03.2023).
- Gagliano G. (2018). *Economic Warfare and Cognitive Warfare*. 23.02. Available at *ResearchGate*. https://www.researchgate.net/publication/323365217_ECONOMIC_WARFARE_AND_COGNITIVE_WARFARE (access date: 20.03.2023).
- Le Guyader H. (2020). *Weaponization of Neuroscience*. 05.12.2020. Available at: *ResearchGate*. <https://www.innovationhub-act.org/blog/weaponization-neuroscience> (access date: 20.03.2023).
- Liang Q., Xiangsui W. (2015). *Unrestricted Warfare: China's Master Plan to Destroy America*. — Echo Point Books and Media.
- Michlin-Shapir V., Siman-Tov D., Shaashua N. (2019). *Russia as an Information Superpower*. // *INSS*. <https://www.inss.org.il/wp-content/uploads/2019/10/Shapir-Siman-Tov-and-Shaashua.pdf> (access date: 20.03.2023).
- Nishikawa T. (2023). *The Mind as a Battlefield: Lessons from Japan's Security Policy on Cognitive Warfare* // *49security*. <https://fourninesecurity.de/2023/02/22/the-mind-is-a-battlefield-lessons-from-japans-security-policy-on-cognitive-warfare> (access date: 20.03.2023).
- Norton B. (2021). *Behind NATO's 'Cognitive Warfare': 'Battle for your Brain' waged by Western Militaries* // *MrOline*. Published: 13.10. <https://mronline.org/2021/10/13/behind-natos-cognitive-warfare-battle-for-your-brain-waged-by-western-militaries/> (access date: 20.03.2023).
- Orinx K., Struye de Swielande T. (2022). *China and Cognitive Warfare: Why is the West Losing?* // *Hal*. *Open Science* Published: 01.03.2022. <https://hal.science/hal-03635930/document> (access date: 20.03.2023).
- Pirker B., Smolka J. (2019). *The Future of International Law is Cognitive—International Law, Cognitive Sociology and Cognitive Pragmatics* // *German Law Journal*. V. 20. No. 4. Pp. 430–448. <https://doi.org/10.1017/glj.2019.30>.
- Radin A., Demus A., Marcinek R. (2020). *Understanding Russian Subversion: Patterns, Threats, and Responses*. // *RAND**.
- Rai Leekha S. (2022). *The Future of the Battle for Minds* // *Observer Research Foundation*. Published: 15.01. <https://www.orfonline.org/expert-speak/the-future-of-the-battle-for-minds/> (access date: 20.03.2023).
- Responding to Cognitive Security Challenges*. *NATO Strategic Communications Centre of Excellence*. Published: 12.02. <https://stratcomcoe.org/publications/responding-to-cognitive-security-challenges/113> (access date: 20.03.2023).
- Rosner Y., Siman-Tov D. (2018). *Russian Intervention in the US Presidential Elections: The New Threat of Cognitive Subversion* // *INSS Insight*. No. 1031. *Russian Intervention in the US Presidential Elections: The New Threat of Cognitive Subversion* | *INSS* (access date: 20.03.2023).
- Takagi K. (2022). *The Future of China's Cognitive Warfare: Lessons from the War in Ukraine* // *War on the Rocks* Published: 22.07.2022. URL: <https://warontherocks.com/2022/07/the-future-of-chinas-cognitive-warfare-lessons-from-the-war-in-ukraine/> (access date: 20.03.2023).
- Traven D. (2015). *Moral Cognition and the Law and Ethics of Armed Conflicts* // *International Studies Review*. Vol. 17. No. 4. P. 556–587. <https://doi.org/10.1111/misr.12230>.
- Tzu-Chieh H., Tzu-Wei H. (2022). *How China's Cognitive Warfare Works: A Frontline Perspective of Taiwan's Anti-Disinformation Wars* // *Journal of Global Security Studies*. Vol. 7. No. 4. <https://doi.org/10.1093/jogss/ogac016> (access date: 20.03.2023).
- Watts S., Lawless R. (2022). *The Law and Character of War in 2035* // *Lieber Institute for Law and Warfare at West Point*. *Articles of War*. Published: 25.03. <https://lieber.westpoint.edu/law-character-war-2035/>(access date: 20.03.2023).
- Zuboff Sh. (2019). *The Age of Surveillance Capitalism*. *Public Affairs*. — New York. Available at *ResearchGate*. https://www.researchgate.net/publication/346844216_Shoshana_Zuboff_The_age_of_surveillance_capitalism_the_fight_for_a_human_future_at_the_new_frontier_of_power_New_York_Public_Affairs_2019_704_pp_ISBN_978-1-61039-569-4_hardcover_978-1-61039-270-0_eboo/link/6254f5d0b0cee02d69653127/download (access date: 20.03.2023).

*** RAND Corporation («РЭНД корпорейшн») (США) признанна нежелательной организацией в России**

Медушевский Андрей Николаевич

amedushevsky@mail.ru

Andrei Medushevskiy

Doctor of Sciences (Philosophy), Tenured Professor, Higher School of Economics (Moscow)

amedushevsky@mail.ru

**COGNITIVE WARFARE: SOCIAL CONTROL, MEANING-MAKING
AND THE INSTRUMENT OF THE GLOBAL DOMINANCE (Part 2)**

Abstract. Cognitive warfare becomes one of the most important element of the current debates on war and peace in the globalizing world. What is cognition and how it could be transform into one of the ways of war? Is it really a principally new type of war, or just a variety of a hybrid war, as combined informational, economic and political domains with conventional tools of military activities? And how we can evaluate conducting weaponization of brain sciences in terms of its potential impact on economy, society, political regimes legitimacy in process of the global competition over resources, power and dominance? The author looks forward to answer these questions by careful analysis of the real sense of the cognitive warfare concept, the complex of brain-manipulation technologies, and their practical role in current and future military conflicts.

Keywords: *state, mind control, cognitive warfare, brain sciences, weaponization of neuroscience, non-kinetic wars, cognitive dominance.*

JEL: F01, F02, F20, F51, F52